

Лапша была холодной и слипшейся. Он не притронулся к ней.

Цзи Нуань подозревала, что он даже не взглянул на миску с лапшой, когда она принесла ее, не говоря уже о том, чтобы прикоснуться к ней или съесть.

Неужели он не собирался есть ее еду, даже если бы был голоден?

Неужели десятилетнее расстояние между ней и ним действительно так трудно преодолеть?

Цзи Нуань молчала, просто смотрела на спину мужчины. Затем она вдруг подошла, взяла холодную миску с лапшой и отвернулась, не сказав ни слова. Не в силах подавить внутренний гнев, она вышла из кабинета, громко хлопнув дверью.

Рука мужчины на мышке на мгновение замерла, но затем он молча продолжил работу.

Однако примерно через десять минут мужчина встал и вышел из кабинета, потому что услышал звук еды.

Открыв дверь, он увидел, что Цзи Нуань серьезно сидит на диване и ест холодную и комковатую лапшу на столе.

"Что ты делаешь?"

Это был, наверное, первый раз, когда он заговорил с ней с тех пор, как проснулся два месяца назад.

Но его голос оставался холодным.

Цзи Нуань молча ела холодную лапшу, которая теперь была совсем неаппетитной, не обращая на него внимания и продолжая заправлять лапшу в рот, который больше не был связан.

Он пристально посмотрел на нее, подошел и отодвинул от нее миску с лапшой. "Лапша уже остыла. Почему ты все еще ешь ее? Не мучай свой желудок".

Цзи Нуань подняла руку, чтобы вытереть испачканный супом уголок рта, и холодно посмотрела на него. "С твоим желудком все в порядке, даже если ты не ешь. Я просто съел несколько кусочков холодной лапши. Что в этом такого? Еда, которую ты отказываешься есть, была тщательно приготовлена мной! Если ты не будешь их есть, я съем их сам".

Мужчина смотрел на нее, как на сумасшедшую. Увидев ее решительный взгляд, он холодно нахмурился, выбросил миску с лапшой в мусорное ведро и не дал ей больше есть.

Лапша была выброшена.

Цзи Нуань ничего не сказала, положила палочки на край стола и села на диван, наблюдая, как мужчина бросает пустую миску на стол.

"Мо Цзиншэнь, ты боишься, что у меня может заболеть живот или начнутся колики от холодной лапши? Ты беспокоишься обо мне?" спросила она.

Он не смотрел на нее. Немного супа попало ему на руку. Он достал салфетку с конца стола, вытер руки и сказал: "Я не хочу, чтобы у тебя были проблемы с желудком. Если завтра утром ты проснешься с болью в животе, мне придется вызвать для тебя врача. Это затянет мое время".

"Неужели трудно признать, что ты не можешь забыть обо мне?" Цзи Нуань уставился на него.

На его бесстрастном лице появилась насмешливая улыбка. Он холодно посмотрел на нее. "Ты что, спятила? Цзи Нуань, ты сошла с ума".

"Да, возможно, я действительно сошла с ума". Цзи Нуань откинулась на спинку дивана и посмотрела на него. "Даже если ты так холоден и безжалостен ко мне, я чувствую, что на самом деле ты очень сильно меня любишь".

Мо Цзиншэнь больше не был бесстрастным.

Вместо этого он выглядел холодным и решительным.

В комнате воцарилась жуткая тишина. Не говорил ни он, ни Цзи Нуань.

Снаружи свистел ветер. Порыв ветра пронесся мимо окна и нарушил тишину в комнате.

"Сейчас час ночи". Он не посмотрел на нее, но сказал низким, безразличным голосом: "Выключи свет и ложись спать".

Внимательно слушая его, она чувствовала холод в его словах, словно крошки льда, падающие на землю, хотя казалось, что она ему не безразлична.

О чем он только думал...

Цзи Нуань не могла не задаться вопросом: когда ее, после десяти лет изгнания, подставили и посадили в тюрьму, он был рад этой новости, а не появился внезапно в тюрьме в тот момент, когда ее вырвало кровью и она умерла, как она мечтала...

Возможно, сон был всего лишь сном.

Казалось, он действительно устал от нее. Как его могло волновать, будет ли она жить или умрет, если он не появлялся уже десять лет?

Может быть, она была для него просто неважным человеком?

Сейчас она казалась человеком, не имеющим к нему никакого отношения.

"Когда ты пойдешь спать?" Она по-прежнему не двигалась, откинувшись на спинку дивана.

Мо Цзиншэнь сказал, даже не глядя на нее: "Я отдыхаю, когда мне хочется спать. Тебе не нужно об этом беспокоиться".

"Но я хочу, чтобы ты прижал меня ко сну". Цзи Нуань посмотрела на его лицо и серьезно ответила: "Как раньше".

Мо Цзиншэнь нахмурился и холодно посмотрел на нее. "Не выставляй себя на посмеище!"

При свете торшера Цзи Нуань посмотрела на его лицо в тусклом желтом свете и сказала откровенно и искренне: "Ты всегда любил обнимать меня во сне..."

Он холодно изогнул губы и холодно улыбнулся, но его глаза не улыбались. "Это "Мо Цзиншэнь" десятилетней давности, а не я".

Она внезапно встала и подошла к нему. Ночь всегда придавала людям необъяснимую смелость. Она хотела обнять его или позволить ему обнять ее. В эти дни он даже не прикоснулся бы к ее руке, не говоря уже о том, чтобы обнять ее.

Может быть, объятия изменят его отношение. Возможно, он вернется, если она его обнимет, тогда он не будет так холоден к ней снова.

Видимо, он знал о ее намерениях, потому что прежде чем ее рука коснулась его, он отвернулся и, не оглядываясь, пошел в кабинет.

Торшер в гостиной удлинял ее тень, отбрасывая длинную тень на пол.

Цзи Нуань посмотрела на закрытую дверь кабинета, на мгновение замерла, а затем почувствовала нарастающую боль в животе.

Он действительно хорошо ее знал. Она могла пережить любую катастрофу, но не могла вынести ни холода, ни легкого жара, ни даже съесть что-то холодное во время месячных.

Та миска лапши была холодной и липкой. Ей действительно не следовало ее есть.

Она поднесла руку к животу и, постояв минуту, не в силах держать себя в руках, повернулась и села на диван, где свернулась калачиком, сжимая все сильнее болящий живот. Дверь кабинета оставалась закрытой, и изнутри не доносилось ни звука.

В гостиной было так тихо, что она почувствовала себя одинокой.

Цзи Нуань подняла голову, терпя боль. Слезы, которые она заставила вернуться в глаза, затуманили ее зрение. Она посмотрела на торшер и свернулась калачиком на диване.

Было больно, но она сама вызвала эту боль. Она не знала, не пыталась ли она иррационально причинить себе боль, когда ела эту лапшу.

Болело ли бы его сердце о ней?

Как оказалось, ему было все равно.

Он избаловал ее, превратив в маленькую хрупкую принцессу, но затем жестоко затолкал обратно в холодную клетку, игнорируя ее.

В течение шести месяцев после выкидыша ей нельзя было есть ничего холодного, потому что ее желудок и живот не выдерживали никакой стимуляции. Сжимая ноющий живот, она уткнулась лицом в спинку дивана, ожидая, когда пройдет боль.

<http://tl.rulate.ru/book/29657/2081583>